

Б.Ф.Мартынов

Цусимец князь Язон Туманов в Парагвае

В статье рассказывается о судьбе капитана 1-го ранга князя Язона Константиновича Туманова (1883—1955) — ветерана русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, эмигрировавшего в Парагвай и принявшего участие в Чакской войне с Боливией. Дается общая характеристика состояния дел в русской колонии в Парагвае в 30—50-е годы XX в.

Ключевые слова: русско-японская война, Цусима, Чакская война, русские в Парагвае.

История причудливо разбросала русских людей в XX столетии! Ее хитросплетения и метаморфозы акробату могут напомнить прыжки и кульбиты на цирковой арене, а моряку — блуждание по узким лазам и запутанным коридорам во чреве боевого корабля. Известный историк Эрик Хобсбаум считал, что История иронична. От себя добавим, что История, к тому же, *всеобъемлюща и последовательна* в своей иронии. Она свободно жонглирует не только государствами и народами, но и не гнушается подтрунивать над судьбами отдельных людей. Иначе как мог рожденный для моря человек после коловращения всех войн и революций осесть в стране не просто далекой и незнакомой, но и *не имеющей выхода к морю*?

Капитана первого ранга князя Язона Константиновича Туманова (1883—1955) можно отнести к тем, кого принято называть «последними рыцарями Империи». Интерес к этим лицам в последние годы растет, что совсем неслучайно. В отличие от прошлого века, в начале нынешнего мы гораздо реже задаемся вопросами о нужности или ненужности Империи. Сегодня популярными становятся другие вопросы: «Почему не сохранили?» и «Что за это бывает?».

НАЧАЛО ПУТИ

Древний род князей Туманишвили (Тумановых) богат историей и разнообразен яркими личностями. Он ведет свое происхождение от княжеской

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (bfmartynoff@gmail.com).

Кн. Язон Туманов в форме капитана 2-го ранга ВМС Парагвая, 1935 г.

династии Мамиконянов, представитель которой, князь Туман, около 1250 г. эмигрировал из Киликийского армянского царства в Грузию. Его потомки в XV в. взяли фамилию Туманишвили, а в Российской империи стали именоваться Тумановы. Среди представителей этого обширного рода известность получили генералы Георгий (1839—1901) и Николай Евсеевич Тумановы (1844—1917), герой Первой мировой войны генерал Георгий Александрович Туманов (1856—1918), режиссер, педагог и Народный артист СССР Михаил Иванович Туманишвили (1921—1995). В императорской России Тумановы, однако, предпочитали цивильным сюртукам и фракам блеск мундиров и золото эполет.

Надо признать, что политика своеобразной «элитной демократии» в Российской империи приносила плоды. Кавказские князья и остзейские бароны, татарские ханы и поль-

ские дворяне во всех войнах, которые вела Россия, не колеблясь, отдавали жизни «За Веру, Царя и Отечество», гордясь принадлежностью к великой, раскинувшейся на полмира, стране. Забегая немного вперед, отметим, что среди участников Цусимского боя, кроме русских, немцев и поляков (этим национальностям отдавалось предпочтение при поступлении в Морской кадетский корпус), было немало представителей других национальностей. Среди них и дальний родственник нашего героя — младший флагманский офицер мичман князь Георгий Ростомович Церетели, погибший на флагманском броненосце «Князь Суворов».

Родившись в семье военных — сын и внук боевых генералов, — Язон Константинович изменил сухопутной специализации предков, поступив в Морской кадетский корпус. В 1904 г., после его окончания, молодой мичман сразу получил направление во Вторую Тихоокеанскую эскадру.

Шла русско-японская война. Первая Тихоокеанская эскадра оказалась заблокирована в Порт-Артуре. Вторая должна была успеть прийти ей на помощь, чтобы, обеспечив превосходство на море, закончить победой так неудачно начавшуюся для России войну. Молодые мичманы и лейтенанты с энтузиазмом рвались в бой, желая скорее испытать себя в «настоящем деле». Среди более опытных офицеров царили другие настроения: страна оказалась не готова к войне с малознакомым, изобретательным и упорным противником. На смену вальяжному «шапкозакладательству» вскоре пришли раздражение и горькое недоумение по поводу неспособности быстро переломить ход военных действий. Радостное возбуждение молодежи в кают-компаниях граничило с бесшабашностью: ведь чтобы достичь Порт-

Артура, экипажам надо было проделать без малого почти кругосветное путешествие через три океана! Какие потери могли ждать их на этом пути? Чем закончится встреча с врагом?

Русско-японская война в советской историографии однозначно осуждалась как «империалистическая», а поражение в ней России, согласно Большой советской энциклопедии, «обнажило реакционность и гнилость царизма»¹. К сожалению, в этих суждениях мало что изменилось и по сию пору.

Но, спросим себя: а могла ли политика великой европейской державы в «век классического империализма» быть *не империалистической*? Может быть, и могла бы. Но тогда Россию — огромную многонациональную и мультиконфессиональную страну с колоссальными природными богатствами — ждала бы участь колонии или полуколонии. И тогда человечество наверняка лишилось бы того вклада, какой Россия внесла в развитие мировой науки и культуры в XIX—XX вв. Россия (как тогда, так и сейчас) была кровно — экономически и политически — заинтересована в развитии Сибири и Дальнего Востока. Построив Транссиб, наша страна попыталась уйти из европейской грозящей войной сумятицы на Дальний Восток, к Тихому океану — туда, куда сегодня сместился центр глобального развития. Но для полноценного экономического и торгового присутствия там ей — кровь из носа! — был необходим незамерзающий порт, как продолжение Транссиба и КВЖД. И вот она арендует у Китая Ляодунский полуостров, причем начинает немедленно вкладываться в оборудование торгового порта Дальний (Далянь), оставляя на потом «доведение до ума» крепости Порт-Артур (Люйшунь). Ну, и что же в этом особенного? К тому времени и «демократическая» Великобритания (Гонг-Конг, Вэйхайвэй), и Германия (Циндао, Киао-Чао) и даже Португалия (Макао) обзавелись кусками территории Китая, несмотря на то, что находились от него за тысячи километров. Кстати, Китай в конце XIX в. «дошел до жизни такой» как раз потому, что *не проводил* «империалистической» политики!

Но дальше началась история зависти и ханжества, первую скрипку в которой, как всегда, играла Англия, привыкшая хозяйничать в портах доброй половины земного шара. В 1902 г. она заключает беспрецедентный военный союз с Японией и в кратчайшие сроки строит на своих верфях мощный японский флот, как бы заранее исключая для Токио возможность мирно договориться с Россией. В ночь на 9 февраля (27 января по ст. стилю) 1904 г. Япония без объявления войны (потом ровно то же самое она сделает в Пирл-Харборе!) нападает на российские корабли, спокойно стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура*. Начинается война, которая, если не побояться представить себе длинную цепочку причинно-следственных связей, забросит героя нашего повествования в далекую страну Парагвай.

* О коварстве (или находчивости?) японцев и о беспечности русских, не удосужившихся заранее ввести систему опознавания и паролей, говорит такой факт. Приняв атакующие японские миноносцы за свои, офицер с вахтенного броненосца «Ретвизан» лейтенант А.В.Развозов не нашел ничего лучшего, как крикнуть в рупор: «Кто это?» — «Иван Иванов!» — последовал ответ по-русски с ближайшего миноносца. Вслед за этим в борт «Ретвизана» отправилась торпеда. Но ведь и американцы в Пирл-Харборе проявили не меньшую безалаберность!

ЦУСИМА: ПОЗОР ИЛИ СЛАВА?

Сомнений в целесообразности отправки Второй Тихоокеанской (Балтийской) эскадры на подмогу Первой, пока держался Порт-Артур, ни по военно-стратегическим, ни по *моральным* соображениям не было. Проблема была в том, что ее отправка слишком затянулась вследствие забастовок, саботажа и диверсий на ведущих оборонных предприятиях. Вирус поражения, заразивший нашу либеральную интеллигенцию (достаточно вспомнить адресованное ею микадо письмо с пожеланием победы Японии), активно подпитывался японскими и английскими деньгами (см. дело «Джона Графтона»)*. Ну и, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов вечную проблему России — коррупцию, когда министры и адмиралы предпочитали тратить деньги не на перевооружение флота, а на балерин императорских театров. В результате всего этого не удалось вовремя перевооружить новой артиллерией некоторые устаревшие корабли, катастрофически не хватало новых прицелов, дальномеров и прочего. Вся надежда возлагалась на четыре новейших броненосца типа «Бородино», на одном из которых — «Орле» — батареей из шести 75-мм орудий командовал мичман князь Язон Туманов. В самом начале Цусимского боя 14 мая 1905 г. он был ранен и больше не принимал в нем активного участия.

Спустя четверть века, уже в Асунсьоне, князь Туманов с молодым «мичманским» задором изложил все это в книге «Мичмана на войне»², изданной тогда в Праге. Она была переиздана в Москве в 2002 г.

Какой бы подход ни использовался русскими или зарубежными авторами, писавшими о Цусиме — технократический или «классовый», патриотический или намеренно отстраненный, — ни один** так до сих пор не смог дать ответа на вопрос: в чем была причина сокрушительного поражения русского флота, который доселе одерживал только победы? Как ни странно, но легкость и ненавязчивость стиля, которым написана книга Туманова, изобилующая «солеными» морскими байками, исподволь подводят к ответу на этот вопрос. Книга дает хорошее представление и о личности самого автора, который с той же мичманской бесшабашностью, как и Цусиму, смог пережить все дальнейшие перипетии нелегкой русской истории и свое пожизненное парагвайское изгнание.

Большая часть книги Туманова посвящена героическому походу эскадры. И это верно, потому что именно *там* — в бесконечных погрузках угля, в нервном ожидании неприятельских провокаций, в изнуряющих стоянках в тропиках, в борьбе с болезнями, штормами и капризами «союзной» Франции (юмор помогал переносить тяготы, но не отменял их) — нужно искать корни «Русской

* «John Grafton» — английский пароход, зафрахтованный располагавшимся в Лондоне революционным штабом большевиков и эсеров для тайной доставки оружия в Россию. Оружие было закуплено на деньги, предоставленные военным атташе Японии в Стокгольме (примерно 100 тыс. рублей). Руководил операцией большевик М.М.Литвинов (будущий Нарком иностранных дел СССР). 8 сентября 1905 г., находясь в финских шхерах, пароход сел на мель. Частично затонул, а частично был взорван командой.

** Наиболее оригинальный, на наш взгляд, был избран российским писателем-маринистом И.Л.Буничем, доказывавшим, что японцы во время боя применили древний синтоистский воинский ритуал под названием «Цакуга-дзэн», который позволил, якобы, вдвое увеличить скорострельность их орудий. (См.: И.Бунич. «Мученик Цусимы». СПб, 1999.) Если это даже и так, то странно, почему ничего подобного они не применили ни в Первой, ни, особенно, во Второй мировой войнах.

Броненосец «Орел» после Цусимского боя

Голгофы». «Расстрел аргонавтов» — так назвал писатель Валентин Саввич Пиккуль соответствующую главу своего романа «Три возраста любви Окини-сан». Красиво, если при этом еще иметь в виду, что русской эскадре пришлось преодолевать гораздо более долгий и трудный путь, чем легендарному «Арго».

Падение Порт-Артура застигло эскадру на Мадагаскаре. «Точка невозврата» была пройдена. Отступление в таких условиях граничило бы с позором. Грядущий бой с сомнительной возможностью прорыва во Владивосток казался избавлением. В результате, утомленная шестимесячным плаванием эскадра адмирала Зиновия Петровича Рожественского отправилась сражаться один на один с превосходящим в силах противником. Я. Туманов считал Цусимский бой «самоубийством». Так же, наверное, думали многие, переодеваясь по морской традиции во все чистое, белое и парадное (дабы не смущать ангелов своим затрапезным видом). А был ли у них шанс? Если «да», то только в первые 15 минут, когда благодаря сложному маневрированию (адмирал-то, выходит, был не так уж плох!) им удалось *первыми* открыть огонь. Только чудо спасло флагман японцев «Микаса» и следовавший за ним «Фудзи» от взрыва под градом русских снарядов. Такой «расклад» начала сражения, вслед за английским наблюдателем при японском флоте — капитаном Уильямом Пекинхэмом*, подтверждается автором первой компьютерной версии Цусимы, российским исследователем Вячеславом Чистяковым³. Но вот тут-то и дали о себе знать «издержки» похода!

Пироксилин — мощная, но капризная начинка русских бронебойных снарядов — за долгие месяцы плавания в тропиках успел сильно растерять свои свойства. Если бы в те первые 15 минут разорвались *все* попавшие в

* Данные из отчета капитана, представленного в британское Адмиралтейство (Admiralty — Intelligence Department Russo-Japanese War: Technical Subjects — London, 1909). Судьба в тот день отметила У. Пекинхэма (1861—1933), который пострадал не от осколка русского снаряда, а от челюсти (!) разорванного рядом с ним в клочья адъютанта адмирала Того Хэйхатиро. Как «истинный британец», Пекинхэм, молча, удалился в свою каюту и через десять минут вновь появился на палубе в белоснежном кителе.

японцев «чемоданы»* (а не разорвалось примерно 33% снарядов, выпущенных *только одним* броненосцем первой линии — «Орлом»), то исход боя мог бы быть другим, а история нашего Отечества пошла бы, возможно, по иному пути...

Но главное — *скорость*. Именно ее знаменитый английский адмирал сэр Джон Фишер (1841—1920) — автор проекта «Дредноут» и один из главных разработчиков военно-морской стратегии Японии считал причиной поражения русских. «Добиться сколь-либо заметного результата Рождественскому помешало только полуторное превосходство неприятеля в скорости хода и, как следствие, кратковременность выигранного русской стороной «первого удара»⁴, — отмечал В.Чистяков. Низкая скорость как следствие перегрузки углем и обрастания водорослями и ракушками днищ наших кораблей (опять «издержки» похода!) дала возможность адмиралу Того Хэйхатиро совершить маневр по охвату головы русской колонны для нанесения сосредоточенного удара по флагману и ведущим броненосцам первой линии. Это и предредило исход сражения. Блестящий маневр, предпринятый броненосцем Гвардейского экипажа «Император Александр III» по выводу эскадры из-под сосредоточенного огня, к сожалению, ни к чему не привел: пользуясь преимуществом в скорости, японцы вскоре восстановили контакт.

А теперь — о самом тяжелом. О том, что произошло ранним утром 15 мая, после геройской гибели наших лучших кораблей накануне. Дадим слово князю Туманову, броненосец которого, «Орел», весь избитый и неспособный сопротивляться, лишь чудом держался на воде: «Японцы открыли огонь, дав накрытие по «Николаю I» с дистанции, недостижимой для артиллерии русских и тщательно сохраняя ее, когда русский адмирал пытался ее уменьшить. При этих условиях, бессильный причинить вред неприятелю, неуязвимому для него, с выведенной из строя тяжелой артиллерией, с израсходованными снарядами, насчитывающий на своих кораблях многочисленные аварии, окруженный подавляющими силами неприятеля, с выдохшимися экипажами, сражавшимися в продолжении многих часов, с подавленной к тому же психикой — сопротивление для него было невозможно. И Небогатов к горечи поражения присоединил унижение сдачи»⁵.

Кто-то ругал контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова, ставшего командующим после выбытия по ранению З.П.Рождественского, за сдачу японцам остатков эскадры, кто-то хвалил за то, что он спас от «бессмысленной гибели» сотни людей.

По прошествии времени становится ясно, что «позор Цусимы» — понятие, так дорого потом обошедшееся нашей истории, — это не позор поражения, которого, учитывая изложенный выше весь комплекс факторов, наверное, *не могло не быть*. Это — позор *сдачи на милость победителя*. Дело военных — не спасать свои жизни, а защищать свою страну, в том числе *ее честь и достоинство*. В Цусиме Небогатов попросту предал тех, кто героически погиб часами ранее. Война, начавшаяся подвигом «Варяга», могла бы закончиться подвигом Цусимы. А стала преддверием революции. Недаром

* Так в годы русско-японской и Первой мировой войн на военном жаргоне назывались крупнокалиберные (305 мм) снаряды.

Канонерская лодка «Парагуай». С 2000 г. — корабль-музей

«благодарные» большевики не тронули опального* при царе адмирала (кстати, масона) и позволили ему спокойно окончить свои дни в Москве в 1922 г.

И еще одно соображение. После сдачи остатков русской эскадры в Цусиме японцы, наверное, не могли не увериться в том, что морально-психологические устои людей белой расы неизмеримо ниже их собственных. Не это ли легкомысленное убеждение толкнуло их затем в Первую и Вторую мировые войны?

Итак, Цусима. Позор или слава? Многое, как всегда, зависит от личного восприятия каждым из нас истории своей страны. Для кого-то Цусима — это по-прежнему разгром и сдача на милость победителя. Для меня — это *рыцарский подвиг русских моряков, проделавших почти кругосветное плавание, не потеряв ни одного корабля, и в конце его не побоявшихся вступить в бой с заведомо более сильным врагом*. А олицетворение этого подвига — стоящий на башне броненосца под убийственным огнем японцев лейтенант Михаил Сергеевич Роцаковский, судьба которого после 1917 г., к сожалению, повторила судьбу многих преданных Отечеству русских офицеров**.

Что касается «гнилости», если где-то она и была, то, как мне кажется, не во дворце, а в головах тех, кто затеял игру в революцию во время войны. Япония в конце нее уже изрядно выдохлась как в военном (Россия начала, наконец, несмотря на протесты Франции, перебрасывать на Дальний Восток свои самые боеспособные части), так и в финансовом отношении. Косвенно об этом могут свидетельствовать и весьма мягкие для нее условия

* На суде по делу о сдаче эскадры, состоявшемся в декабре 1906 г. в Кронштадте, офицеры «Орла» были оправданы, ввиду полной непригодности их корабля к продолжению боя. Контр-адмирал Небогатов получил смертный приговор, который был заменен на 10-летнее заключение в крепости. Освобожден через два года по состоянию здоровья.

** Герой Порт-Артура лейтенант М.С.Роцаковский (1874—1938) командовал в Цусиме носовой башней главного калибра на броненосце береговой обороны «Адмирал Сенявин». Слабый, устаревший к тому времени броненосец стрелял, к тому же, дымным порошком. При встречном ветре после каждого выстрела броненосец заволакивало его же собственным дымом, что крайне затрудняло наводку. Тогда лейтенант вылез на крышу башни — что было равносильно самоубийству — и в течение двадцати минут (!) под огнем врага корректировал огонь, добившись нескольких попаданий в крейсер «Читозе». Погиб в застенках ГУЛАГА в 1938 г.

Портсмутского мира. «Недовоеванная» из-за революции война показала всему миру наличие в тылу у России *элементов, готовых использовать временные трудности своей страны в собственных интересах*. Это подтолкнуло германского императора начать с ней войну, пока та не усилилась настолько, что оказалась бы непобедимой. И если люди типа Туманова извлекли уроки из войны с Японией и, засучив рукава, взялись за дело, сумев восстановить флот к началу Первой мировой, то наша «прогрессивная общественность» так ничему и не научилась, и следующая «недовоеванная» стала прологом к ее (заслуженному?) самоуничтожению.

В результате всех циклопических трансформаций, случившихся после, наш герой оказался за гранью того, что было принято считать «цивилизацией». Его приютила «маленькая бедная страна, населенная неизмеримо гуще крокодилами, нежели людьми» (авторская гипербола. — Б.М.). «Может быть, именно поэтому, — предполагал он, — люди в этом глухом уголке земного шара оказались лучше и сердечнее, нежели в густо населенной двуногими Европе!»⁶.

Ах, как ошибался старый моряк, решив, что в «стране непуганых крокодилов» он обретет, наконец, убежище от войн и безлимитного душегубства! История еще покажет себя во всем своем «блеске»! Войны не бывают «последними»: от силы — «крайними». Всего через два года князю Туманову вместе с другими русскими офицерами придется взяться за оружие, чтобы защитить свою «вторую родину» — Парагвай. Книгу «Мичмана на войне» он посвятил парагвайской молодежи. Скоро ему придется передавать ей свой богатый военный опыт и знания.

«БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ»

Чакская война (1932—1935) между Боливией и Парагваем стала *четвертой (!)*, в которой довелось участвовать князю Туманову. О ней написано уже достаточно, в том числе и автором этих строк⁷. Как ни странно, в отношении этой войны у нас не сложилось такого же политически ангажированного «непонимания», как в отношении русско-японской. Мы теперь точно знаем, что со стороны Парагвая Чакская война носила справедливый характер, и что парагвайцы с помощью своих русских коллег усердно бились за правое дело.

Но сначала еще немного о жизненном пути князя Туманова, который прибыл в Парагвай в 1925 г. уже закаленным в боях воином. После года в японском плену Туманов служил на различных кораблях Балтийского флота. В 1910 г. он был переведен на Каспийскую флотилию. Ходил он и по Средиземноморью на борту канонерской лодки «Хивинец». А с началом Первой мировой князь перевелся на Черное море, где командовал миноносцем «Живучий». В 1917 г. застал его командиром вспомогательного крейсера. В годы гражданской войны капитан 2-го ранга Туманов командовал Охранной флотилией Армянской республики на озере Севан, Волжско-Каспийской флотилией, был штаб-офицером при начальнике штаба Черноморского флота. С октября 1919 г. Язон Константинович возглавлял Особое отделение Морского управления Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). На этом посту он принял деятельное участие в разоблачении большевистского агента Павла Васильевича Макарова, который действовал

под личиной адъютанта командующего Добровольческой армией генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского (смотревшие советский многосерийный фильм «Адъютант Его Превосходительства», должны хорошо помнить этот сюжет). 28 марта 1920 г. Туманова произвели в чин капитана 1-го ранга и назначили комендантом транспорта, на котором он вместе с другими беженцами из России убыл в Константинополь. Начиналась жизнь в эмиграции.

Прибытие Туманова в Парагвай — страну, рискнем утверждать, доселе мало кому известную из русских, кроме, пожалуй, генерала Ивана Тимофеевича Беляева (1875—1957), который «знал ее еще с детства»⁸, — состоялось благодаря стечению обстоятельств. Некоторые называли бы это Судьбой.

Туманова пригласил в Парагвай генерал Николай Францевич Эрн, который, в свою очередь, попал туда благодаря протекции И.Т.Беляева. Последний, прилагавший колоссальные усилия по обустройству в Парагвае «Русского очага», «где все русское: религия, традиции и культура могли бы сохраняться, как в Ковчеге, до лучших времен», уступил Эрну свою кафедру тактики и фортификации в Военной школе Асунсьона, а сам по поручению парагвайского правительства с группой русских энтузиастов отправился исследовать «забытую Богом» область Чако⁹. Так что князь Туманов оказался в Парагвае не на пустом месте. Там уже собралось общество, которому «цивилизованная Европа» отказала в праве на достойную жизнь. Он сразу поступил на службу в речной флот Парагвая и начал передавать свои знания молодежи. Правда, фон, на котором разворачивались эти события, казался ему сначала до крайности специфичным. Как моряк, долженствовавший повидать, вроде бы, разное, князь долгое время не переставал удивляться своей судьбе. «Это было 9-дневное плавание в хаосе первых лет мироздания», — так, например, отзывался он о своем посещении затерянной «где-то там» реки Рио-Верде. «По ней, если кто до меня и плывал, так это только индейцы на своих пирогах в доисторические времена»¹⁰.

Но долго удивляться не пришлось. Началась война с Боливией, в ходе которой Туманов, получивший звание капитана 2-го ранга, сначала занимал должность начальника отдела личного состава флота, а потом — советника командующего речными силами на севере страны. Ему неоднократно доводилось выезжать в районы боевых действий.

Там, в местах ожесточенных боев, Туманов, как и остальные русские офицеры, привыкшие к строгой военной дисциплине и удивлявшиеся почти полному отсутствию таковой в армии Парагвая*, смог увидеть главное: готовность парагвайца умереть за свою родину. Вот тогда-то между русскими и парагвайцами и возникло настоящее боевое братство, а «живая нить русского начала» (И.Т.Беляев) с тех пор навсегда вплелась в историю этой южноамериканской страны.

Всего в Чакской войне приняли участие 45 русских офицеров — от генералов до поручика. Генерал И.Т.Беляев с 1932 по 1933 г. занимал должность руководителя Оперативного отдела Генерального штаба парагвайской армии. Несколько раз, замещая начальника Генштаба, он спасал пара-

* В своих мемуарах «Дон Ясон» отмечал «необычайное радушие» парагвайцев («постоянные кутежи» и пр.) вкупе с «потрясающей неорганизованностью» во многих вопросах, начиная от задержек с выдачей денег на обмундирование («да у нас так матросов не отправляли в командировку!»), заканчивая планированием военных операций (Я.К.Туманов. Как русский офицер помогал Парагваю воевать с Боливией. Морской журнал. Прага, 1953, № 3, с. 59).

В минуты покоя в Парагвае. Слева направо: генерал Н.Ф.Эрн, супруга Я.К.Туманова Надежда Владимировна (певица, основательница и преподаватель Академии лирического искусства в Асунсьоне), ее мать Анна Кусова, ее дочь Оксана Туманова и капитан 2-го ранга кн. Язон Константинович Туманов, 1947 г.

гвайскую армию от неминуемого поражения. В Чако установлен памятник первому героически погибшему за дело Парагвая русскому офицеру — капитану Борису Павловичу Касьянову. Там же находится и «Фортин Орефьефф», небольшой поселок, названный в честь капитана Василия Федоровича Орефьева-Серебрякова, который поднял парагвайцев в «психическую атаку» под Бокероном и пал смертью храбрых. Тринадцать улиц в столице Парагвая — Асунсьоне — носят имена русских офицеров.

В отличие от своих сухопутных коллег, Туманову не удалось отличиться в боях. Но это не его вина: до моряков просто не дошло дело. Если Парагвай в чем-то и имел преимущество перед Боливией, которая обильно снабжалась американским оружием, так это в речном флоте. Еще до начала войны он получил из Италии две канонерские лодки — «Парагуай» и «Умайта», которые, будучи присоединены к трем уже имевшимся старым, образовали мощную «армаду» в составе целых *пяти* единиц! Боливийцы, разрабатывая планы военных операций, сознательно избегали рек, поэтому и развязали войну в пустынной, засушливой области Чако. Флот, конечно, играл важную роль в деле снабжения и охраны коммуникаций, но поскольку боливийцам так и не удалось достичь своей ближайшей стратегической цели — выйти к реке Парагвай в районе г. Консепсьон — решающего участия в войне не принимал.

Туманов отличился другим. На страницах эмигрантского журнала «Часовой», выходившего в Париже, он смог дать наиболее «вразумительный» ответ одному из лидеров «Белого движения» — Антону Ивановичу Деникину, когда последний посетовал однажды в одной из своих речей на то, что русские люди «бесцельно», мол, умирают в Южной Америке. Слова

князя нашли отклик в белоэмигрантской среде и, на наш взгляд, заслуживают внимания: «Эта маленькая и бедная страна нас приняла с самого начала так, как она принимает представителей любой страны, и никогда не отводила нам свои задворки, хотя за нашей спиной не стояли ни консулы, ни полномочные министры и посланники. Небольшая русская белая колония уже много лет живет здесь так, как, наверное, она жила бы у себя на родине: русские доктора здесь лечат, а не играют на гитарах в ресторанах, русские инженеры строят дороги и мосты, а не вышивают крестиком, русские профессора читают лекции, а не натирают полы, и даже русские генералы нашли применение своим знаниям, т.е. служили в военном ведомстве и титуловались, несмотря на скромный штатский пиджачок, почтительно — «mi general».

Здесь, в Парагвае, никто из русских не слышит упреков в том, что он ест парагвайский хлеб, что он здесь засиделся, что пора, мол, и честь знать. Его не допекают никакими паспортами, никто не неволит принимать гражданство и делаться парагвайцем. Русские искренне и глубоко привязались к этой маленькой и бедной стране и ее народу, особенно тепло оценив его гостеприимство после скитаний по бывшим союзническим и несоюзническим странам...

И вот, над приютившей их страной стряслась беда: на нее напал сосед, трижды сильнее ее. Страна поднялась на защиту своих прав и своего достоинства. Что же должны делать старые русские бойцы, ходившие на немца, турка и на III интернационал и много лет евшие парагвайский хлеб? Сложить руки и сказать приютившему их народу: «Вы, мол, деритесь, а наша хата с краю; наши жизни могут пригодиться нашей собственной родине?» Конечно — нет.

Что говорить: русские могилы под тропиком Козерога и донской казак, и псковский драгун погибшие, хотя и со славой, на боливийских окопах, конечно, это трагедия. Но право же, еще большая трагедия — бесславная смерть таких же славных русских офицеров где-нибудь под ножом хунхуза в Манчжурии, под вагонеткой мины Перник в Болгарии или под маховым колесом германской фабрики во Франкфурте на Майне! А эти трагедии, в свою очередь, лишь маленькие капельки в бескрайнем океане страшных и бессмысленных трагедий, разыгрывающихся, вот уже пятнадцать лет, с самого начала «светлой и бескровной революции», над всем несчастным русским народом»¹¹.

В этих словах — многое. И в первую очередь — горькое разочарование в «цивилизованной» Европе, которая сделала своих вчерашних союзников людьми «второго сорта» и пожертвовала ими сразу, как только ухудшилась экономическая ситуация. Резким контрастом звучит нескрываемое удивление радушием бедного народа, который выказал готовность поделиться всем, что у него есть, с неприкаянными изгнанниками, восхищение бесконечно далекими от европейской «культуры» и благосостояния людьми, признавшими за этими отверженными их человеческие права и достоинство. Наш современник найдет в этом, наверное, кое-что созвучное своим сегодняшним мыслям и даже, может быть, попытается вникнуть в какие-то «цивилизационные» реалии.

Благодарность парагвайского народа русским политэмигрантам за их вклад в победу Парагвая и в последующее экономическое и культурное развитие их страны хорошо известна. Пожалуй, лучше всего по «горячим следам» событий в Чако ее выразил парагвайский ученый и публицист доктор Хусто Пастор Бенитес. «Русские, прибывшие к нам из далеких зе-

Памятник на могиле кн. Язона Туманова на русском кладбище в Асунсьоне

нам примеры невиданной храбрости и безупречной преданности делу Парагвая. Парагвайский народ полюбил их, как своих сынов, запомнил их имена и чтит память погибших. Можно смело сказать, что души этих рыцарей, прибывших издалека, отныне прочно слились с душами парагвайцев¹². Память о «далеких рыцарях» жива в Парагвае и по сей день, слово «русский» вызывает бурю восторга и неподдельное желание тут же сделать тебе что-то хорошее.

Но, вернемся к «ответу» Туманова. В нем подспудно ощущается раскаяние представителя русского офицерства за то, что случилось с Россией в феврале 1917 г., когда оно дало увлечь себя фразами о царстве «свободы-демократии», о «светлой и бескровной» и т.п. За то, что оно бесцельно тратило время, когда надо было бороться за людей, а потом, после того, как, наконец, «прозрело» и ринулось в бой, оказалось, что уже поздно. Его рыцарский подвиг, как и в Цусиме, оказался величественен. Но и только.

В наступившие «трусливые времена» спасти команду ушедшей на дно истории императорской России капитанам крупных «кораблей», которые оказались поблизости, не очень-то и хотелось. Многим из жертв кораблекрушения, кому кое-как удалось забраться на борт, было предложено отдышаться и вновь испытать Судьбу. Скромное плавсредство, случайно попавшееся этим несчастным в открытом море, стало для них спасением, а защита его от нагрянувших вдруг пиратов — делом чести. Может быть, ветеран Цусимы, который видел, как люди гроздьями срывались в море с горящих и тонущих кораблей, князь Туманов именно так, образно, представлял себе парагвайский «исход» русского офицерства? С этой точки зрения участие русских «парагвайцев» в справедливой войне за интересы маленького народа, наверное, было для них спасением на фоне того наказания, которое обрушилось на остальных, выброшенных в «море житейское».

«Радовало» (если война вообще может чем-то радовать!) и другое. В Парагвае горсточке русских офицеров Судьба предоставила уникальную возможность довоевать ту самую «недовоеванную» — с немцами. Боливия в войне с Парагваем сделала ставку на немецких наемников, многие из которых, как например, главнокомандующий боливийской армии генерал Ганс Кундт, воевали в Первую мировую на Восточном фронте. Вместе с

мель, — эмоционально писал парагваец, — продолжили свои рыцарские подвиги на нашей земле. В эти трусливые времена, когда агрессор и жертва агрессии ставятся на одну доску, романтический подвиг русских офицеров, которые сражаются в рядах нашей армии, заслуживает особого преклонения. Они компенсируют здесь изгнание со своей исторической родины, подавая

ним в эту андскую страну прибыли еще 120 бывших немецких офицеров. Бансер, Брандт, фон Криес — эти фамилии были «на слуху» у боливийцев. Многие русские в парагвайской армии специально охотились на немцев, «припоминая» им, наверное, то, что они сотворили с Россией в 1917 г. Но, как бы то ни было, теперь это были бои всего лишь «местного» значения.

Раскаяние — осознанное или неосознанное — определяло собой жизнь внутри русских колоний не только в Парагвае, а практически во всех странах, где эти колонии образовались. Кто-то, как, например, А.И.Деникин, И.Т.Беляев и другие, понимали, что «русская болезнь» зашла слишком далеко и не поддается лечению. Они предлагали дождаться, когда коммунизм в России неизбежно, так или иначе, падет сам собой, чтобы потом вернуться и отстроить ее заново. Другие, обуреваемые муками совести (а кто-то — что греха таить! — и личными амбициями), объединились в Российский общевойсковой союз (РОВС) и готовились продолжать вооруженную борьбу. История доказала правоту первых.

После окончания Чакской войны князь Язон Туманов остался служить в парагвайском флоте в должности советника морского министра. Он принимал активное участие в жизни русской колонии, заняв, вслед за генералом Н.Ф.Эрном, должность представителя РОВС в Парагвае. С 1939 по 1954 г. князь Туманов состоял уполномоченным главы Российского Императорского дома* в Южной Америке. Туманов участвовал в строительстве православного храма в Асунсьоне, был учредителем русской библиотеки, членом Исторической комиссии Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке, публиковался в эмигрантских морских журналах.

Примерно в эти же годы И.Т.Беляев окончательно разошелся во взглядах с большинством обитателей русской колонии. Оппозицию ему возглавил Эрн, выступавший за продолжение борьбы с большевиками любой ценой, в том числе, не брезгуя и поддержкой фашистской Германии. Беляев же радовался победам Красной Армии, а в конце войны, во время посещения русской колонии на севере, даже распорядился отслужить молебен «во славу русского оружия». Одному из своих немногих оставшихся русских друзей — полковнику Александру Георгиевичу фон Экштейн-Дмитриеву, Иван Тимофеевич однажды признался, что с уважением относится к красному флагу, «под которым советские люди сделали то, что нам под российским триколором не удалось сделать в 1914 г. — войти в Берлин»¹³.

Судя по мемуарам генерала Беляева, Туманов придерживался «эрновской» ориентации. До нас, к сожалению, не дошло никаких его более или менее ясных суждений по поводу тех серьезных проблем, которые будоражили умы белоэмигрантов в 40—50-е годы. Признаться, трудно было ожидать подобной сдержанности от автора столь проникновенного «ответа» Антону Деникину. Похоже, что автор цусимских воспоминаний больше всего на свете боялся разрушить созданный им же самим образ травящего байки бесшабашного мичмана. Ну, что же, возможно, князь искренне верил в то, что «мир выжил, потому что смеялся».

* Имеется в виду великий князь Владимир Кириллович, провозгласивший себя в 1924 г. Императором Всероссийским.

Скончался князь Язон Константинович Туманов 22 октября 1955 г. В последний путь его провожали не только члены русской колонии, но и парагвайские моряки, не забывшие его вклад в дело защиты свободы и независимости Парагвая.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

¹ Большая советская энциклопедия, т. 22, с. 428. [Bolshaya sovetskaya entsiklopedia [The Great Russian Encyclopedia], t. 22, p. 428.

² Кн. Я.Т у м а н о в ъ. Мичмана на войне. Прага, 1930. [Pr. Ya.Tumanov. Michmana na voine [The Midshipmen at War]. Prague, 1930.

³ В.Ч и с т я к о в. До первого залпа. — Наваль. Первый сборник общества истории флота. М., 1991, с. 17—24. [V.Chistiakov. Do pervogo zalpa [Up to the First Salvo]. — Naval. Pervyi sbornik obshchestva istorii flota [Naval. The First Collection on the History of the Russian Navy]. Moscow, 1991, p. 17—24

⁴ Ibid., p. 22.

⁵ Кн. Я.Т у м а н о в ъ. Op. cit., p. 235.

⁶ Ibid., p. 6.

⁷ Б.Ф.М а р т ы н о в. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006. [B.Martynov. Russkiy Paragvai. Povest o generale Beliaeff, ludiakh I sobytiakh proshlogo veka [The Russian Paraguay. A Tale about General Beliaeff, People and Events of the Past Century]. Moscow, 2006.

⁸ И.Т.Б е л я е в. Записки русского изгнанника. СПб, 2010, с. 374. [I.T.Beliaev. Zapiski russkogo izgnannika [The Notes of a Russian Émigré]. Saint-Petersburg, 2010, p. 374.

⁹ См. Б.Ф.М а р т ы н о в. Op. cit., cap. III—V.

¹⁰ Я.К.Т у м а н о в. Как русский офицер помогал Парагваю воевать с Боливией. — Морской журнал. Прага, 1953, № 3, с. 59. [Ya.K.Tumanov. Kak russkiy ofitser pomogal Paragvayu voevat' s Boliviei [How the Russian Officer Helped Paraguay to win over Bolivia]. — Morskoy journal [The Sea Journal]. Prague, 1953.

¹¹ А.В.О к о р о к о в. Русские добровольцы. М., 2004, с. 95—97. [A.V.Okorokov. Russkie dobrovoltsy [The Russian Voloteers]. Moscow, 2004, p. 95—97.

¹² J.P a s t o r B e n i t e z. Bajo el Signo del Marte. Asunción, 1976, p. 125.

¹³ Из интервью А.Г.фон Экштейна-Дмитриева, данного автору этих строк в Асунсьоне 24 августа 1994 г. [Iz interviyu A.G.fon Ekshteina-Dmitrieva, dannogo avtoru etikh strok v Asunsiones 24 avgusta 1994 [From the interview of A. Von Eckstein-Dmitrieff to the Author, Asuncion, 24 of August, 1994].

Boris Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Dr. Sci. (Political Science), Deputy Director, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

Prince Yazon Toumanoff — the veteran of the Tsushima battle in Paraguay

Abstract. The article tells about the destiny of a captain Prince Yazon Toumanoff (1883—1955) — a veteran of the Russo-Japanese, I World War and the Civil War in Russia, who, being a Paraguayan emigrant, participated in the “Chaco” War with Bolivia. The article also deals with the situation in the Russian colony in Paraguay at the described period.

Key words: The Russo-Japanese War, Tsushima, the “Chaco” War, the Russians in Paraguay.